

И.К. Яхонтов

**Жития севернорусских
подвижников Поморского
края, как исторический
источник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Я90

Я90 **Яхонтов И.К.**
Жития севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник / И.К. Яхонтов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 378 с.

ISBN 978-5-518-07506-1

ISBN 978-5-518-07506-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сѣверно-поморскій край принадлежалъ къ числу новгородскихъ владѣній. Новгородцами положены были здѣсь и начатки общественной жизни, и сѣмена христіанства. Но высшія церковная и гражданская власти „Великаго Новгорода“ не обращали должнаго вниманія ни на просвѣщеніе финскихъ племенъ — обитателей поморья, ни на улучшеніе ихъ вѣшнаго быта. Отношенія князей, владыкъ и посадниковъ въ этому краю не простирались далѣе заботъ о сборѣ дани и промышленныхъ доходовъ; если у этихъ властей и были заботы о распространеніи тамъ христіанства, то—самыя незначительныя. Только отважные новгородскіе ушкуйники и промышленники, звѣроловы и рыболовы, посѣщали этотъ отдаленный край: они ставили здѣсь „страдомныя деревни“, а для удовлетворенія религіозному чувству—построили часовни. Сталкиваясь на промыслахъ съ финскими инородцами, новгородскіе промышленники могли конечно знакомить ихъ и съ своей вѣрой; но отъ такой проповѣди нельзя ожидать видныхъ послѣдствій. Въ XIV вѣкѣ на поморьѣ царило самое грубое невѣжество и суевѣріе: жители находились въ дикомъ и крайне бѣдственномъ состояніи; поселенія русскихъ были малолюдны, да и тѣ разбросаны на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и раздѣлены непроходимыми лѣсами и тундрами. Препод. Лазарь, поселившійся въ концѣ первой половины XIV вѣка на южныхъ границахъ поморья, на Мурманскомъ островѣ Онежскаго озера, нашелъ этотъ край въ такомъ состояніи:

„Первѣе единъ азъ придохъ на мѣсто сіе святое“, писалъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, „живущаго никогоже не имѣхъ. А живущіе тогда именовались около озера Онега лопане и чудь, страшливые сыроядцы, близъ мѣста своего живяху... Многи скорби и біенія, и раны претерпѣхъ отъ сихъ звѣрообразныхъ мужей... хотяху мя сыроядцы убити и тѣло мое въ ядь себѣ сотворити“ (¹).

Особенно грубо и невѣжественно было населеніе самыхъ сѣверныхъ частей поморья. — „Древне быша сіи родове, говорятся о тамошнихъ обитателяхъ въ одномъ старинномъ памятникѣ, яко звѣріе дивіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма,

(¹) Истор. русскаго іерархія. ч. V, стр. 115.

ни инаго потребнаго къ жительствоу человеческому; но токмо животными питахуся, звѣрыми и птицами, и морскими рыбами; одежда же — кожа еленей тѣмъ бѣше. Отнюдь Бога истиннаго Единаго, и отъ Него посланнаго Иисусъ Христа, ни знати, ни разумѣти хотяху; но имѣже кто когда чрево насытитъ, тогда оно и бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убьетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразить ловимое, палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоядцѣхъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ, обаче отчасти" (1).

Такимъ образомъ, сѣверно-поморскій край въ XIV вѣкѣ представлялъ богатое поле для дѣятельности болѣе образованнаго народа; это, поистинѣ, была „земля жаждущая“ новыхъ, болѣе развитыхъ пасельниковъ, съ болѣе возвышенной вѣрой и благоустройствомъ во внѣшнемъ образѣ жизни. Но кому было пріятно переселяться въ такую страну, „гдѣ пришла земля каменистая и стужа великая, — во все лѣто снѣги мало сходятъ“ (2)? На постоянное жительство туда могли идти только люди труда и подвиговъ, — люди съ сильной волей, которыхъ не могла страшить пустынность, суровость края и скучное одиночество: жизнь при такихъ условіяхъ могла быть по сердцу только строгимъ инокамъ — отшельникамъ. И дѣйствительно, въ дѣлѣ заселенія поморскаго края и просвѣщенія его христіанскимъ ученіемъ всего болѣе потрудились мѣстные св. подвижники. Нѣкоторые изъ нихъ удалялись сюда даже съ прямымъ намѣреніемъ возвѣщать имя Христово, и, дѣйствительно, по преимуществу заявили себя трудами на поприщѣ проповѣди христіанской вѣры туземнымъ инородцамъ (препод. Трифонъ Печенгскій и Теодоритъ Кольскій). Другіе, хотя специально и не принимали на себя миссіонерскаго подвига, тѣмъ не менѣе, поселившись среди грубыхъ и суевѣрныхъ язычниковъ, тоже не остались безъ просвѣтительнаго на нихъ вліянія. Вотъ что относительно этого написалъ препод. Максимъ Грекъ въ предисловіи къ житіямъ соловецкихъ чудотворцевъ:

(1) Выдержку эту заимствуемъ изъ Соловецкой рукописи «Садъ спасенія» по «Описанію Соловецкаго монастыря». Соч. архимандр. Досноея. ч. 1, стр. 40.

(2) Акты истор. IV, 545 стр.

„Донелѣже не вселишася (препод. Савватій и Зосима Соловецкіе) въ пустый оный отоць, дотолѣ тамо потону слышашася имя Христово... Нинѣ, по божественному апостолу, явился благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ... Не токмо бо окрѣсть острова того истинніи богочетцы и Христовы поклонники быша, но, благодатию Божіею, мнози языци иновернии обратипася... православная вѣра распространися болѣе трехъ тысячъ отъ Соловецкаго острова и до варяжскаго нѣкоего града, зовомаго Варгавъ“⁽¹⁾.

Эти слова выразительно опредѣляютъ значеніе св. подвижниковъ для сѣверно-поморскаго края. Ихъ дѣятельность на пользу этой мѣстности, какъ колонизаторовъ, основателей обителей иноческихъ, и какъ просвѣтителей язычников-инородцевъ, должна была имѣть многосторонній характеръ; а потому и въ жизнеописаніяхъ этихъ личностей, по видимому, мы вправѣ предполагать богатство содержанія и отсюда заключать о ихъ важности для исторіи сѣвернаго поморья. Это значеніе ихъ житій увеличивается еще тѣмъ, что, помимо разнаго рода официальныхъ документовъ, сохранившихся до нашего времени, они являются едва-ли не единственными источниками для исторіи того края. Понятно впрочемъ, что историкъ можетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ не иначе, какъ послѣ внимательнаго критическаго его разбора и оцѣнки. Критика источниковъ есть прямая подготовительная работа для составленія исторіи; а тѣмъ болѣе критически слѣдуетъ отнестись къ жизнеописаніямъ святыхъ, потому что эта литература у насъ имѣла особенный характеръ, не совсѣмъ благопріятный для исторической науки.

Древнѣйшія житія сѣверно-русскихъ святыхъ⁽²⁾ отличаются краткостію и простотою въ разсказѣ, — въ своей основѣ имѣютъ извѣстную историографическую задачу, на первомъ планѣ ставятъ фактическое содержаніе, не обращая его въ матеріалъ для церковной проповѣди или нравственно-реторическаго разсужденія⁽³⁾. Но съ конца XIV-го вѣка

(1) Рук. Соловецк. библ. № 175, д. 13-й.

(2) Напр. житія св. ростовскихъ чудотворцевъ св. Александра Невского и др.

(3) Ключевскій. „Древне-русскія житія, какъ историческій источникъ“, стр. 78.

литература житій русских святыхъ, сильно разрастаясь и развиваясь, принимаетъ иное направленіе. Это направленіе развивалось подъ иноземнымъ—византійскимъ и южнославянскимъ—вліяніемъ. Съ юга увеличился въ Руси наплывъ славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ; отсюда же явились и литературные таланты, — мастера житейнаго искусства (сербъ митроп. Кипріянь, Пахомій Логоетъ); которые установили новую теорію для составленія агіобіографическихъ произведеній и дали образцы житій въ новомъ направленіи. Кипріянь главною задачею „житія“ поставилъ—привести прославленіе святому, ибо „праведнику подобаетъ похвала“⁽¹⁾. Задача эта была вполне усвоена и русскимъ составителемъ житій—Елифаніемъ Премудрымъ; ее же преслѣдовалъ и Пахомій Логоетъ. Всѣ эти образцовые составители житій нашли себѣ много подражателей. Непремѣннымъ слѣдствіемъ установленнаго Кипріяномъ взгляда на задачу житія явилось стремленіе въ житіяхъ къ украшенному, витіеватому слогу; развился вкусъ къ житейному краснорѣчію, ораторству, „плетенію словесъ“; простымъ изложеніемъ разсказа уже не удовлетворялись, а находили нужнымъ убирать его въ цвѣты краснорѣчія, такъ что житія, изложенныя просто первыми составителями, поручались искуснымъ писцамъ для передѣлки⁽²⁾. Витіеватымъ слогомъ особенно отличаются житія написанныя Елифаніемъ Премудрымъ и Пахоміемъ Логоетомъ. Послѣдній прочно установилъ и закрѣпилъ для русской агіобіографіи однообразные приемы и далъ для нея не мало образцовъ, которымъ русскіе агіобіографы съ конца XV - го вѣка старались подражать и въ литературныхъ приемахъ и въ пониманіи историческихъ явленій. Произведенія Пахомія, благодаря его извѣстности, стали общимъ достояніемъ древне-русскихъ читающихъ людей и переписывались вездѣ. Такъ какъ написанныя имъ житія большею частію похожи одно на другое, не только по слогу, но и по содержанію, то подражать „нѣ-

(1) Ключевскій. „Древне-русскія житія святыхъ“, какъ историческій источникъ, стр. 85.

(2) Напр митропол. Кипріянь передѣлалъ древнѣйшую редакцію житія св. митр. Петра; Пахомій — житіе пр. Варлаама Хутынского, Сергія Радонежскаго и друг.

сколько холодному и монотонному стилю" этого агіобіографа было легко при самой ограниченной степени начитанности.

Всматриваясь въ творенія Пахомія, находимъ, что въ нихъ біографическому разсказу объ извѣстномъ лицѣ обыкновенно предшествуетъ ораторское предисловіе. Сначала авторъ обыкновенно развиваетъ въ немъ мысль, что писать житіи св. мужей необходимо и полезно въ виду человѣческаго спасенія и съ цѣлю принести прославленіе святымъ; потомъ ведетъ рѣчь о своемъ скудоуміи и недостаткѣ своихъ силъ, чтобы должнымъ образомъ принести „иѣкое похваленіе“ святому, но въ тоже время высказываетъ надежду на помощь Божію въ предпринимаемомъ трудномъ дѣлѣ, молить братію того монастыря, по порученію которой взялся за перо, о содѣйствіи ему: въ началомъ трудѣ своими молитвами къ Богу; наконецъ и самъ обращается съ молитвеннымъ воззваніемъ къ святому о помощи или же—высказываетъ надежду на эту помощь. Самый разсказъ его житій изобилуетъ общими, типическими чертами, которыя, не содержа въ себѣ ничего характеристическаго для личности извѣстнаго святаго, только стараются подвести его подъ общій аскетическій идеалъ⁽¹⁾. Подражая Пахомію, къ этимъ же типическимъ чертамъ стали прибѣгать и послѣдующіе русскіе біографы; особенно когда брались описывать жизнь святаго, о которомъ до нихъ дошло мало историческихъ свѣдѣній. Въ этомъ случаѣ смѣло можно было взять произведеніе Пахомія и восполнить свои скудные историческія свѣдѣнія заимствованными отсюда общими мѣстами, разнаго рода реторическими украшеніями и такими чертами, которыя можно удобно переносить на всякаго святаго. Конечъ житія въ твореніяхъ Пахомія завершается похвалою святому и сопровождается

и н. (1) Наприм.: «Родися отъ благочестиву родителю христіану... воспитанъ бысть въ добрѣ ученіи и благочестіи... юнъ сый на игры пустошныя, якоже обычай есть дѣтямъ, отнюдъ не хождаше, но паче благоу часть избѣгае... прѣстараяся на лучшее..., не дадаше сна очима своимъ... выну боряся и подвизаяся на невидимаго врага... прилагаеши труды къ трудомъ..., въ церкви Божіей прѣжде всѣхъ обрѣтаеся... со отъятіемъ власъ своихъ выну отрѣзаетъ и вся ащискія мудрованія... бѣ почитаеми всѣми и любими; наконецъ предсмертныя слова къ братіи: «аще тѣломъ отхожду отъ васъ, но духомъ живу съ вами буду».

описаніемъ посмертныхъ чудесъ. Изложеніе отличается самымъ обильнымъ краснорѣчіемъ.

Біографы св. подвижниковъ поморскаго края, писавшіе въ XVI-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ, какъ сыны своего времени, находились, при составленіи своихъ произведеній, подъ вліяніемъ того же взгляда на житіе, какъ на церковно-ораторское произведеніе, — взгляда окончательно установившагося къ началу XVI-го вѣка. Обстоятельство это прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду при разборѣ житій св. подвижниковъ поморскаго края, какъ историческаго источника. Далѣе необходимо обратить вниманіе на то, когда именно и кѣмъ составлено извѣстное житіе, — обозначить отношеніе автора къ описываемому въ житіи подвижнику, указать источники, на основаніи которыхъ оно составлено, и какъ составлено, — тѣми-ли дѣйствительно источниками пользовался авторъ, на которые указываетъ, или—другими, о которыхъ умалчиваетъ, вѣрно-ли передаетъ мысль древнихъ повѣствователей, не дополняетъ ли ихъ сказанія отъ себя или не опускаетъ ли въ нихъ чего нибудь, не позволяетъ-ли себѣ какихъ либо произвольныхъ сужденій и соображеній. Наконецъ необходимо выяснить побужденія біографа къ написанію извѣстнаго житія и условія происхожденія послѣдняго. Такимъ путемъ изслѣдованія опредѣлится степень обилія и достовѣрности фактической стороны жизнеописаній, достоинство и важность сообщаемаго имъ матеріала.

Избираемый нами для настоящаго изслѣдованія предметъ, очевидно, нельзя назвать новымъ. Въ нашей литературѣ, какъ замѣчено было выше, существуетъ специально посвященный разсмотрѣнію древне-русскихъ житій святыхъ трудъ г. Ключевскаго; но онъ не исключаетъ возможности подвергнуть тотъ же предметъ вторичной разработкѣ. Это въ особенности слѣдуетъ сказать относительно жизнеописаній св. подвижниковъ поморскаго края, которыхъ г. Ключевскій обозрѣлъ бѣгло, не представляя подробной критики и лишь кратко высказывая свое воззрѣніе на эти памятники. Въ этомъ сознается онъ и самъ, когда одну изъ главъ своего „изслѣдованія“, именно—ту, въ которую вошли замѣчанія относительно житій св. подвижниковъ поморскихъ,—обозначаетъ словами: „Перечень позднѣйшихъ житій и редакцій“.

Задача нашего изслѣдованія — разобрать серію житій св. подвижниковъ поморскаго края съ выше намѣченныхъ

точекъ зрѣнія только въ большей полнотѣ и съ большею обстоятельностью.

Въ предѣлы дальнѣйшей нашей рѣчи войдетъ разборъ слѣдующихъ произведеній агіобиографической литературы:

1) Житій св. Соловецкихъ чудотворцевъ препод. Савватія и Зосимы.

2) Повѣсти о блаженномъ старцѣ Германѣ, спостницѣ преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Савватію.

3) Житія препод. Александра Свирскаго.

4) Житія препод. Александра Ошевнскаго (Каргопольскаго).

5) Житія препод. Антонія Сійскаго.

6) Житія препод. Θεодорита Кольскаго.

7) Житія препод. Трифона Печенгскаго чудотворца, лопарскій народъ просвѣтившаго святымъ крещеніемъ.

8) Житія св. митропол. Филиппа.

9) Повѣсти о препод. Варлаамѣ Керетскомъ.

10) Сказанія о проявленіи и о обрѣтеніи, и о чудесѣхъ препод. Вассіана и Іоны Пертоминскихъ чудотворцевъ.

11) Сказанія о чудесѣхъ св. Іоанна и Логгина Яренгскихъ.

12) Житія препод. Иринарха Соловецкаго.

13) Житія праведнаго Артемія Веркольскаго.

14) Житія препод. Никодима Кожеозерскаго.

15) Житія препод. Елеазара Анзерскаго.

16) Житія препод. Іисуса Анзерскаго (Голгофскаго).

II.

Первымъ, по времени появленія, повѣствовательнымъ трудомъ для исторіи церкви на сѣверномъ поморьѣ были житія св. Соловецкихъ чудотворцевъ, препод. Савватія и Зосимы. Обстоятельства происхожденія этихъ житій подробно передаются въ двухъ особыхъ статьяхъ, прилагаемыхъ ко всѣмъ ихъ спискамъ—„О сотвореніи житія и чудесъ препод. Зосимы и Савватія чудотворцовъ“. Изъ этихъ статей видно, что житія Соловецкихъ чудотворцевъ имѣли слѣдующую исторію.

Около 1430 - го года препод. Савватій встрѣтился на рѣкѣ Выгѣ съ старцемъ Германомъ. Нашедши въ послѣднемъ себѣ друга, любителя уединенія, Савватій переправился съ нимъ на Соловки и „изрече вся, яже о себѣ“ ему—„старцу Герману“⁽¹⁾. Нѣсколько лѣтъ проживши на пустынномъ островѣ, отшельники удалились на матеріеъ и болѣе не встрѣчались другъ съ другомъ. Германъ вскорѣ, на рѣкѣ Сумѣ, повстрѣчался съ старцемъ Зосимомъ, тоже искателемъ подвиговъ уединенной жизни; Германъ „сказа ему вся поряду, яже о блаженнѣмъ Савватіи, и о состояніи острова того Соловецкаго и о угодныхъ мѣстѣхъ ко устрою монастыря“⁽²⁾. Отшельники перебрались на Соловки и основали обитель.—Въ монашествѣ было уже обычнымъ, укоренившимся явленіемъ—писать житія тѣхъ подвижниковъ, которые своею жизнію и дѣятельностью заслужили болѣе почтительнаго и благодарнаго воспоминанія въ братіи; этого слѣдовало ожидать и относительно памяти о преподобныхъ основателяхъ Соловецкой обители, особенно о преп. Зосимѣ, который особенно много потрудился въ ея устроеніи.

(1) Ркп. Соловецк. библ. № 175, л. 29 на обор.

(2) Тамъ же, л. 47 на обор.

Препод. Зосима скончался въ концѣ XV-го вѣка (1478 г.), когда въ агіобіографической литературѣ установился уже искусственный стиль.—И величіе препод. Зосимы, и понятія современниковъ требовали отъ будущаго его біографа своего рода умѣнья, чтобы изложить его житіе „стройно“ и витіевато; но на отдаленномъ сѣверѣ, въ такой обители, каковою была Соловецкая въ концѣ XV-го вѣка, не находилось талантливаго біографа. Отъ того здѣсь, на первыхъ порахъ, мѣстные условія взяли — было даже перевѣсъ надъ современнымъ взглядомъ на житіе.—Проникнутый искреннимъ желаніемъ сохранить для обители воспоминанія о своихъ сотрудникахъ — „начальникахъ Соловецкихъ“, старецъ Германъ, пережившій Зосиму, диктуетъ клирикамъ то, что самъ узналъ отъ препод. Савватія и Зосимы относительно ихъ жизни, и клирики пишутъ подъ его диктовку „памяти“. Онъ повѣдалъ имъ о томъ, „еже видѣ въ животѣ блаженнаго Савватія, и како приде съ нимъ на островъ Соловецкій, и ангеломъ Божиимъ изгнанимъ изъ острова Соловецкаго рыбодовца, и о преставленіи чуднемъ препод. Савватія, и по преставленіи Савватіевѣ како приде препод. Зосима на Соловки, и паки Германъ съ нимъ, и видѣ видѣніе божественнаго луча осіявшаго мѣсто, идѣже обитель составлена, и церковь прекрасну на воздухѣ, и ипа многа, яже видѣ при животѣ блаженныхъ отецъ. Сія вся повелѣ Германъ клирикомъ писати на памяти, и писанія того не мало было“⁽¹⁾. Все это, разумѣется, было записано „просто“, — „якоже сказоваше имъ (Германъ) простою рѣчію, тако они и писаша, не украшающе рѣчи, но точію памяти ради писана житія блаженныхъ отецъ Зосимы и Савватія“. Неудивительно, что эта первоначальная редакція житій препод. Зосимы и Савватія нашла себѣ весьма мало сочувствія среди братіи.—„По преставленіи Германовѣ“, читаемъ въ сказаніи Досифея „о сотвореніи житій Соловецкихъ чудотворцовъ“, „братія не радиша о писаніи томъ, просто бо писана“.

Записки, составленныя подъ диктовку неумѣяшаго грамотѣ Германа, стояли по изложенію ниже установившагося къ тому времени стиля житій, а потому не получили распространенія среди иноковъ и существовали только въ одномъ

(¹) Тамъ же, л. 110 на обор. и 111.